

Мы никогда не назначаем встреч. Просто говорим: «Увидимся». Вечерами после работы бредем по городу куда глаза глядят и все-таки непременно натываемся друг на друга. Мы — это близнецы Стас и Надя, красавица Катя, ее приятель Гриша и я — человек без особых примет. Между нами в общем-то нет ничего общего, но мы всегда почему-то оказываемся в одних и тех же местах, покупаем одинаковую одежду, смотрим одни и те же фильмы и бурно радуемся такой своей похожести. И я даже знаю причину этому. А вот они, мои друзья, к счастью, ни о чем не догадываются.

Все началось в сентябре. Тихо и солнечно. А вечерами приводил в порядок коллекцию раковин, на приобретение которых потратил все лето. Отчищал раковины от лака, купленные в сувенирных магазинах, рассматривал рисунки в толстом немецком атласе, надписывал коробочки по-русски и на латыни. Я увлек этим хобби моих друзей — мы обменивались лишними экземплярами и ходили друг к другу смотреть наши коллекции. Уже по ночам, перед тем как заснуть, мне чудились изящные ракушки-каури, покрытые узором из белых пятнышек, огромные белые тридакты, похожие на произведение сумасшедшего художника-фарфориста, и перламутровые беззубки.

Однажды я проснулся с ощущением потери и вспомнил, что видел сон — яркий и странный. Там все несло со страшной скоростью, мелькали лица и фигуры знакомых и незнакомых мне людей, сменялись разноцветные пейзажи; кленовые листья устилали странную черную воду; капли росы сверкали в осенней паутине; девушка держала в руке светящийся шар солнца, а старые деревья взмывали в небо... Я пожалел о том, что сны невозможно сфотографировать. А потом, повинувшись непонятному порыву, отправился в магазин и купил очень дорогой фотоаппарат.

Раковины были забыты. Неделю я носился по окрестностям, ловя кусочки своего сна, а потом отдал пленку в лабораторию и не мог дождаться часа, когда увижу свои фотографии. Наконец равнодушная девушка выдала мне бумажный пакет. Я тут же присел на диванчик в углу лаборатории и, затаив дыхание, достал пачку свежих снимков. Что говорить — фотографии вышли красивыми. Береза, снятая в необычном ракурсе, казалась взмывающей в небо; паутинка сверкала капельками росы; сухие листья плыли по черной воде; моя подружка Маргарита сидела у вечерней реки (я умудрился поставить ее руку так, что закатное солнышко походило на теннисный мячик, сияющий на ладони!). Я так увлекся, что не сразу отреагировал, когда над моим ухом прозвучал знакомый женский голос:

— Смотри, и Сережка здесь! Фотки покажешь?

Я поднял глаза и увидел рядом с собой моих друзей-близнецов — Надю и Стаса. Оба высокие, худые, в одинаковых черных футболках с надписью «СССР» (классные футболки, подумал, помню, надо бы и мне такую купить). В руках у Стаса был бумажный пакет с надписью «Кодак»...

Именно тогда впервые явилась мне эта мысль: почему мы всегда одновременно увлекаемся одним и тем же? Например, как-то раз я брел по центру города и увидел боулинг-клуб. Бог знает почему, но мне впервые в жизни захотелось зайти туда. Внутри я слегка обалдел от грохота и лязга. А потом сразу увидел Надю, которая мчалась по дорожке, размахивая большим зеленым шаром. Тут же оказались: Гриша с кружкой пива, Стас, копающийся в стойке с шарами, и Катя, гордо, в победоносном осознании своей красоты, сидящая на низкой скамеечке. Моему появлению никто особо не удивился, мы играли до самой ночи и решили, что обязательно зайдем сюда еще разок. Так и случилось, но уже через пару месяцев боулинг всем нам сразу надоел, и мы увлеклись бильярдом. Причем играли не в какую-нибудь американку, а в настоящий, русский. Мы покупали кии, штудировали учебники, брали уроки. И почему-то, зайдя в лю-

Кролик на свободе

Быль

Художник Е. Силина

Анна Баскакова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

бой, первый попавшийся клуб, я сразу же видел Надю, склонившуюся над зеленым сукном, Стаса, натирающего кий мелом, Гришу, дающего всем бесплатные советы, и Катю, которая никогда не играла, а сидела молча, скрестив длинные ноги. Да, красивые ноги у Кати. Когда с ней идешь по улицам, все оборачиваются. Не часто увидишь тоненькую блондиночку с длинными-предлинными волосами и такими же ногами. Вот только ухаживать за ней бесполезно — Стас и я, мы это не раз пробовали. По-моему, Катю вообще ничего не интересует, кроме нее самой. А вот с Гришей они составили вполне удачную пару: Гриша все время болтает, а Катя молчит и загадочно улыбается.

Ладно, это лирика, а странно вот что: ведь и бильярд нам всем тогда тоже надоел одновременно, и теперь мой дорожный складной кий валяется в прихожей под шкафом...

— А хочешь наши фотки поглядеть? — гордо спросила Надя и, не дожидаясь моего согласия, выложила их на низкий столик. — Мы одно и то же снимали, по очереди.

Я стал просматривать фотографии и — обомлел. Как мне показалось, снимки Нади и Стаса технически выглядели не такими уж интересными, но вот сами сюжеты... Паутинка (без росы); береза в необычном ракурсе — кажется, она взмывает; вода, по которой плывут осенние листья; Надя, сидящая у вечерней реки: на ее лице наигранная улыбка, глаза подняты вверх, а в руке — закатное солнышко, похожее на теннисный мячик. На следующем снимке держал солнышко и уже наигранно улыбался Стас.

— Здорово мы придумали — с солнышком? — спросила Надя.

— Мы их на конкурс пошлем! — заявил Стас.

Я молча протянул им пачку своих фотографий. Близнецы смотрели, и лица их постепенно вытягивались.

— Это что же, мы все одинаково думаем, да? — изумилась Надя. — Мы же со Стасом сами ходили и искали, что снять! И с солнышком я сама придумала!.. Ой, смотри — вон Гришка в очереди стоит! Эй, Гришка!

Через пять минут он подошел к нам, держа в руках пакет с надписью «Кодак». Теперь вся наша компания, кроме Кати, была в сборе.

— А ну-ка, дай сюда! — Надя бесцеремонно выхватила у Гришки пакет и высыпала фотографии на стол. Мы смотрели и молчали. Сверху лежал снимок, где Катя сидела у реки и держала на вытянутой руке шарик заходящего солнца. Катина улыбка не казалась натянутой. Надо признать, Гриша фотографировал лучше, чем мы.

— Я это фото на конкурс хочу послать, — тихо произнес Гриша. — Здорово я это придумал — с солнышком?

Вернувшись домой, я никак не мог прийти в себя. Сложилось по квартире и напряженно думал. Ну ведь не может человеческое мышление быть настолько стандартным! Почему полгода назад мы все с ума посходили от террариумов? Гришка разводил аксолотлей, я — виноградных улиток, и даже Надя со Стасом купили парочку чере-

пах, а у Кати жил маленький ужик. И кстати, мы все время натыкались друг на друга в зоомагазине, где накупили всякие детали для террариумов: подсветки, термометры, декоративные гроты. Гришка рассказывал, что аксолотли при пересыхании водоема превращаются в ящериц, Надя и Стас радовались тому, какие у черепах розовые ротки, а Катя — от того, как сворачивается ее ужик... Потом аксолотли сдохли (по моим подозрениям, Гришка перестал их кормить), Катин ужик исчез, а мои улитки, видимо решив, что настала великая засуха, выпустили известковые крышечки и заснули в своих домиках. А потом, через полгода, сдохли.

На душе было скверно, и, когда зазвонил телефон, мне захотелось, чтобы это была моя подруга Маргарита. С ней всегда весело и легко, а еще она прекрасно готовит и очень любит меня кормить. Маргарита разведена и старше меня лет на восемь, но мне наплевать — выглядит она классно. Правда, у нее есть дочка, а я детей не люблю, но у Маргариты хватает ума на время моих визитов отводить дочку к соседке или укладывать ее спать.

— Сережа, ты сегодня приедешь? Я сациви готовлю.

— Приеду, конечно, приеду! — обрадовался я.

— Знаешь, у меня к тебе просьба, — поколебавшись, продолжила Маргарита. — Ты не купишь для Дашеньки самокат? У нее завтра день рождения, и она от самокатов просто с ума сходит. Понимаешь, я вчера ночью сажаю ее на горшок, и она сидит на нем и бормочет, как сомнамбула: «Если купишь самокат — тебе каждый будет рад. Если тебе от двух до пяти, тебе с самокатом должно повезти».

— Надо детям телевизор поменьше смотреть, — урезонил я. — Это, наверное, из рекламы.

— В том-то и дело, — задумчиво ответила Маргарита, — что у меня нет телевизора...

Быстренько купив первый попавшийся самокат (благо спортивный магазин находился в двух шагах от моего дома), я понес его к автобусной остановке. Но тут же, рядом, в витрине небольшого магазинчика, обнаружил черную футболку с надписью «СССР» и решил туда зайти. Зашел. Там, около прилавка, стояла Катя в кожаной миниюбке и покупала... угадайте что? Правильно, черную футболку с надписью «СССР».

— Катя, — спросил я, когда мы вышли из магазина, унося с собой купленные футболки, — ты, случайно, не занимаешься фотографией?

— Ага, — спокойно ответила Катя. (Слова из нее всегда приходится тянуть клещами.)

— Давно? — уточнил я.

— Не-а.

— Покажешь?

— Ага.

Мы сели на скамейку, Катя достала из сумочки сначала сигареты, а потом бумажный пакет с надписью «Кодак». И я уже знал все, что сейчас увижу.

На сомнительных по мастерству фотографиях были запечатлены: сосна в необычном ракурсе, грязная лужа с плавающими в ней листиками, нечто грязное и непонятное (паутина, пояснила Катя), Гриша с закрытыми глазами, с заходящим шариком солнышка в руке.

— Катя, а ты видела фотографии, которые делал Гриша?

— Ага.

— Ну и как тебе?

— Круто, — коротко ответила она и достала зажигалку.

Я понял, что далее расспрашивать Катю бесполезно. Надо молча ею любоваться...

А через час я сидел в доме у Маргариты, и жизнь уже не казалась такой плохой. Маргарита накормила меня сациви и вишневым пирогом. Она ужасно обрадовалась купленно-

му мной самокату, нашла гениальными мои фотографии, а свой снимок с заходящим солнцем тут же вставила в подходящую рамочку и торжественно повесила на стену. Жизнь была прекрасной. Я остался ночевать там, а утром проснулся от рева Маргаритиной дочки:

— Не хочу самокат! Пускай его Сережа обратно забирает! Надо было купить мне набор детской косметики «Золушка».

— Ты же целый месяц меня мучила этим самокатом, день и ночь просила, а теперь — «не хочу!» — кричала Маргарита.

— Не хочу! Самокат для маленьких, а я — большая. Мне пять лет.

— Пять лет тебе только сегодня исполнилось!

— Хочу косме-е-е-тику!

Мне стало тошно. Под перебранку, доносившуюся из детской, я оделся и потихоньку выскользнул из квартиры.

Был выходной, я неспешно брел по улицам, наверняка зная, что встречу кого-то из своих ребят. Но вдруг увидел Вовку.

Когда-то он был моим хорошим другом. Мы вместе таскались по городу, оба ухаживали за Катей, а потом Вовка как-то постепенно от меня отдалился. Он высмеивал наши многочисленные хобби, не хотел играть ни в бильярд, ни в боулинг и все вечера, как я знал, проводил на каких-то крутых компьютерных курсах. Дальше — больше, и Вовка совсем перестал встречаться с нами, ссылаясь на занятость. Примерно раз в месяц я натыкался на него во время своих прогулок. Обычно это происходило где-нибудь в заштатной кафешке, причем Вовка каждый раз так оживлялся, будто специально меня ждал. Со временем он стал выглядеть весьма цивилизованно, носил приличные пиджаки и аккуратно подстригал бороду. И всегда извинялся, что выпал из нашего поля зрения, подробно расспрашивал о моей компании — и снова исчезал, пообещав позвонить. Но не звонил.

На этот раз он сидел на скамеечке в парке, сидел скрючившись, и держал в руках бутылку дешевого портвейна. Вид у него был помятый, в глазах застыла тоска. Я подошел и поздоровался. Вовка поднял голову:

— А, пришел, фокусник.

— Почему — фокусник? — удивился я.

— Так, к слову. Пить будешь?

— Вовка, ты знаешь, почему все так плохо? — спросил я.

— Знаю, пей, — последовало в ответ.

За несколько часов мы обошли, кажется, пять питейных заведений. Меня уже изрядно шатало, но я все-таки контролировал себя. И пытался понять, что же произошло с миром и со мной. Я хотел рассказать Вовке обо всем, но язык заплетался, и улитки, боулинг, самокаты, бильярд, фотографии солнышек и майки с надписью «СССР» — все это сваливалось в одну кучу. К тому же Вовка не хотел слушать меня, отмахивался и все время повторял только одно: «Отстань, сам знаю!» Потом, уже поздним вечером, мы оказались у Вовки дома, на его крохотной кухне, и там пили водку. Я пытался показывать Вовке мои фотографии, но он опять же отмахивался: «Отстань, знаю!»

И мне это наконец надоело.

— Ты козел и придурок! — сказал я. — Ты не хочешь смотреть мои фотографии. Ты просидел все время на своих компьютерных курсах и не понимаешь, что происходит с людьми. Нас кто-то зомбирует, понимаешь?

— Отстань, знаю!

Да, мой друг просто-таки блистал разнообразием реплик!

— Ты ничего не знаешь! — решил я докричаться до него. — Ничего! Ты не знаешь, почему Катя вдруг начинает фотографировать! Вдруг! Почему я разлюбил боулинг! Почему сдохли улитки! Почему...

И тут внезапно взгляд моего собеседника обрел некую осмысленность. Он покосился на меня и очень серьезно спросил:

— Ты действительно хочешь все это знать?

— Да, понимаешь ли, хочу! — подтвердил я, успокаиваясь.

— Хорошо, — совсем уже трезвым голосом сказал Вовка. — Тогда смотри.

На кухонном столе среди огрызков и окурков возник серый ноутбук. Вовка принялся стучать по клавиатуре, а потом развернул монитор ко мне. И мой хмель мигом исчез. Напрочь.

Там, на экране маленького монитора, мелькал мой давешний сон. Но не его жалкое подобие, которое потом я пытался сфотографировать, а именно то самое, что однажды явилось мне сентябрьской ночью. Эти, так сказать, кадры делал явно профессиональный фотограф. Вот паутина в сверкающих каплях росы; вот морщинистый ствол дерева в необычном ракурсе; вот девушка с шариком заходящего солнышка в руке. И крадчивый женский голос шептал: «Смотри, жизнь уходит, а мир так прекрасен. Тебе надо запечатлеть уходящие мгновения. Остановить мгновенья этой красоты. Надо проснуться, встать и купить фотоаппарат в магазине «Радуга». Магазин «Радуга» находится на улице Парковая, дом шесть, корпус два. Смотри, жизнь уходит. Проявить пленку и напечатать фотографии. Все это ты можешь найти по адресу...»

— Что это? — спросил я.

Да, от нашего хмеля не осталось и следа.

— Что? — спокойно переспросил Вовка, разливая водку. — Это наш новый рекламный ролик.

И далее я услышал следующее:

— Есть такой метод — слип-реклама. Это — воздействие на подсознание человека, когда он спит. Через гипнотический ретранслятор. Ну представь: через тебя же все время проходят радиоволны, правда? А теперь, с нашей помощью, проходят еще и гипноволны. И некоторые из них ты воспринимаешь. Метод разработан еще в совке, в «ящике», где я тогда работал. Сначала он создавался как психотропное оружие, но время ушло, и мы стали использовать его для рекламы... Ты оказался в фокус-группе, поэтому на тебя и подействовало. Ты и твои дружки-подружки. На вас пятерых наш метод проходил апробацию. Это просто: вы — мои знакомые, за вами было удобно наблюдать, отчеты писать. Но я ничего такого с вами не делал. Только советовал-внушал встретиться в каком-нибудь кафе, заняться спортом, или фотографировать, или зверюшек разводить. Все нормально. Пей.

— Сволочь, — сказал я. — Ты мне все навязывал. Друзей навязывал, хобби навязывал, куда пойти, навязывал. И как только я достигал определенного уровня хоть в чем-нибудь, ты навязывал мне следующее хобби. Сволочь, подонок. Ты зомби делал из нас, своих друзей!

— Ой, брось! Вы не зомби, вы, повторяю, фокус-группа. А фокус-группа — это та часть населения, на которую мы так или иначе должны повлиять. Членов этой группы мы называем «фокусники». Например, скоро появится новая поп-звезда — Валенсия. Безголосая дура и уродина. Но ее папочка-спонсор оплатил три месяца трансляции. Фокус-группа... о, ты, кстати, тоже в нее попадаешь. Будешь слушать. — Тут Вовка хихикнул и выпил водки. — А самокаты, с которыми ты так нарвался, — продолжил, отдуваясь, — были рассчитаны на детей строго от двух до пяти. Вот Маргаритина дочка и закапризничала — ей ведь уже захотелось косметику... Как там у нас: «С детской косметикой «Золушка» ты попадешь прямо в сказку» Вот он, кстати, твой самокат.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

На мониторе завертелся ярко-синий сверкающий самокат. Вокруг летали воздушные шары, куклы, жевательная резинка и прочая дрянь. Размалеванный клоун кричал: «Если купишь самокат, тебе каждый будет рад. Если тебе от двух до пяти, тебе с самокатом должно повезти».

— Бедные дети, — опустошенно проговорил я. — Бедные мы все.

— Это еще почему? — удивился Вовка.

— Почему? — И тут мне показалось, что надо еще выпить. — Да потому, что вы навязываете нам увлечения. Вы не даете нам жить самим. Вы сволочи — и вы, и ваши рекламодатели! — Я взмахнул рукой и сбил пустую бутылку. Она с грохотом покатила по столу. — Я не позволю так с собой обращаться, я тебе не кролик подопытный!

Вовка хохотнул:

— Сереженька, рекламодатели ничего не знают! Мы их ночью тоже грузим через транслятор, а утром они как бы сами решают, что надо дать именно эту рекламу. И идут именно к нам. Мы же зарегистрированы как обычное рекламное агентство... А потом у них от результата глаза на лоб лезут: народ валом скупает их продукцию. Так что все честно — и им хорошо, и нам. Впрочем, это цветочки, — мечтательно продолжил Вовка, — вот скоро будут выборы! Выборы, понимаешь?... Милый ты мой идеалист, посмотри на вещи реально. Народ всегда грузили — и будут грузить. И не важно чем: кашпировскими, фоменками, бродячими проповедниками или рекламами по ящику. Ты, конечно, в каком-то отношении подопытный кролик, но сам посуди: ты ведь приобрел куда больше, чем потерял. У тебя хорошие друзья, и у вас много общих интересов. У тебя появилась любимая женщина, которая прекрасно готовит. Ты мне, кстати, это с гордостью рассказывал месяц назад, когда мы сидели в «Синей птице», помнишь?... Впрочем, если не хочешь участвовать в эксперименте — о'кей, я больше не буду на тебя воздействовать. Предоставим тебе, так сказать, полную свободу...

Утром, как и положено после хорошей выпивки, я проснулся с головной болью.

Было воскресенье, и идти куда не хотелось. Я равнодушно обвел взглядом комнату. На полу возле кровати валялись злополучные фотографии. На подоконнике по-прежнему стоял аквариум с дохлыми улитками. В стеклянном шкафу громоздились раковины. Господи, где же среди всего этого был я сам? Да и был ли вообще?

Невеселая мысль, но она мне позволила подремать до вечера, когда я расслышал, что звонят в дверь. Натянул штаны и пошел открывать. За дверью стояли Стас, Надя, Гриша и Катя.

— Мы тут изволновались, — затараторила Надя, — тебя уже два дня не видно и не слышно. Ты что, заболел, а?

— Скорее выздоровел, — ответил я мрачно.

Прошли на кухню. Хозяйственная Надя заварила чай. Мы пили его, и Гриша без умолку рассказывал о том, что они купили видеокамеры и будут снимать фильм. И ничего,

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

что любительский: вот «Ведьмы из Блэр» тоже сняты на любительскую камеру!

Я смотрел на них и думал: почему я провел с ними часть своей жизни? Красивая кукла Катя, занудливый Гриша, близнецы с их вечной дурацкой восторженностью... А теперь — не далее как вчера! — меня отключили от подсказчика, который вел нас последние годы. Я вроде сам того потребовал. И теперь я сам опять же должен был принимать решения: куда идти, что делать, с кем дружить. Странно, но все это меня не радовало.

Друзья просидели у меня до вечера, и я почувствовал облегчение, когда они ушли. Я остался в странном, непривычном одиночестве, испугался тишины и включил телевизор. На меня понеслись потоки рекламы — призывы купить прокладки, средство для мытья посуды, тушь для ресниц и прочее... О Господи! Я выключил телевизор и позвонил моей Маргарите, но, судя по всему, ее не было дома: меня лишь поприветствовали длинные гудки. И я подумал, что почему-то всегда приезжал к ней в ночь с пятницы на субботу, а вот об остальной ее жизни, главной, вообще не имею понятия, и потому не имею, что никогда не пытался об этом узнать...

По привычке я пошел на улицу. Но бродить часами одному было странно, даже жутковато. Попытался заговорить с какой-то девушкой, но в ответ получил такую порцию презрения, что позорно бежал. И тут понял, что не знаю, о чем можно говорить с девушками — ведь раньше, знакомясь, я всегда рассказывал им о своих хобби. Вот так-то! Подопытный кролик случайно вырвался из клетки, но сможет ли он приспособиться к жизни на свободе?

Шли недели. На службу я ходил как автомат, потом возвращался домой, что-то машинально готовил, машинально ел, пытался читать, пытался смотреть телевизор. Именно пытался. По утрам, исправно приходя на работу, я поглядывал на моих сослуживцев и вдруг обнаружил, что все они чем-то бредят: то рыбалкой, то нейролингвистическим программированием, то футболом. Женщины то хором начинали вышивать крестиком, то плели кружева прямо на рабочем месте или глотали тайские таблетки для похудения. Не иначе все они зомбированы, дошло до меня.

Ну а что до Маргариты, то к ней я перестал ездить, когда понял, что все ее помыслы направлены только на посещение ближайших продуктовых магазинов. Она скупала продукты в невероятных количествах, словно ей грозил голод. И готовила. Готовила свои роскошные сациви, запеканки, фаршированные перцы, жареных кур. И что бы я ей ни говорил — Маргарита поддакивала и пыталась положить мне еще кусочек... Ясно: вот так беспрестанно меня кормить и поддакивать ей приказал Вовка — из лучших побуждений, конечно, и что-то изменить было уже невозможно... Я перестал бывать у Маргариты и проклинал Вовку вместе с его секретными разработками.

Изредка раздавались звонки моих бывших друзей. Теперь они занялись живописью — настоящей, маслом — и приглашали меня посмотреть. По ящику крутили ролик Валенсии —

действительно уродины и действительно безголовой. Пресса называла ее «певицей, которую давно ждали» и «уникальным явлением». Иногда приезжала мама и пересказывала телесериал, который она смотрела вместе с папой. Я машинально кивал и думал о том, что их тоже зомбировали.

Несколько месяцев спустя я брел по городу и, оказавшись в каком-то маленьком кафе, обнаружил там Вовку. Он поднял голову, и по его виноватым глазам я сразу понял, что встретились мы здесь не случайно.

— Привет. Ты извини, я вчера ночью тебя через транслятор вызвал, — сказал он.

— А просто позвонить не мог?

— Мог, наверное. — Он вздохнул. — Отвык... Я у тебя хочу прощения попросить. Повел себя как свинья. С таким знанием жить невозможно. Пойми это! Я потому в тот день и нализался. Ты прости, если можешь.

Я посмотрел в его глаза и увидел в них ту же пустоту, то же одиночество, какое испытывал сам. И тогда решился.

— Вовка, — заговорил я тихо, — не хочу я больше быть диким кроликом! Верни всё как было. Я никому не скажу. Правда. Мы все хотим быть счастливыми. А я стал свободным — свободным и несчастным. И от всего этого тошно. Верни!

Вовка молча кивнул и, сгорбившись, ушел.

Удивительно или нет, но в ту ночь я спал прекрасно — впервые за долгое-долгое время. А утром мне ужасно захотелось купить роликовые коньки. Я тут же отправился в спортивный магазин и купил их, а заодно прикупил наколенники, ярко-желтый шлем и симпатичный желтый рюкзачок.

Прямо в магазине я переобулся, спрятал свои кроссовки в этот самый рюкзачок, выбрался из магазина и поехал по бульвару. Было прохладно, но светило яркое солнце, и жизнь показалась мне прекрасной. Впереди замаячили какие-то знакомые фигуры. Ну да: навстречу мне ехали на роликовых коньках Надя, Стас и Гриша с Катей. Увидев меня, они замахали руками: «Смотрите, и Сережка здесь!» Вот оно, блаженное чувство растворения в коллективе! — осенило меня. Сбежавший кролик вернулся в родную клетку в родной лаборатории. Недели одиночества и странной свободы показались кошмарным сном. Ребята хлопали меня по спине и улыбались. Все они были в таких же, как у меня, шлемах и наколенниках, и у каждого за спиной висел желтый рюкзачок.

— Мы уж думали, ты вообще пропал для общества, — радостно заговорила Надя. — Сейчас отдохнем и дальше поедем. На вот, послушай, а то ты вообще от жизни отстал!

Она содрала с головы Гриши наушники от плеера и напялила их на меня. Там звучала громкая музыка.

— Ну как? — гордо спросила Надя. — Это новый хит Валенсии. Правда, она уникальное явление?

— Она просто чудо, — искренне подтвердил я.

